БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

Εμοὶ δὲ τὶ αἰσχρὸν, τὸ ἑτέρους μὴ δύνασθαι περὶ ἐμοῦ τὰ δίκαια μήτε γνῶναι μήτε ποιῆσαι; Ὁρῶ δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων ἐν τοῖς ἐπιγιγνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont., IV, 8, 9.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1840.

V.

КРИТИКА.

СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. *Санктпетербургъ, Часть третья и четвертая.*

Статья первая.

Нѣтъ жизни безъ страстей и движенія; нѣтъ народа безъ поэзіи, этого живаго языка человѣческой страсти. Каждое внутреннее волненіе ищетъ слова, ищетъ голоса; каждая радость, каждое горе требуютъ участія. Поэзія, какъ воздухъ, необходима для жизни. Тайное горе свободнѣе жалуется унылыми пѣснями, которыя такъ легко возбуждаютъ участіе; любовь вольнѣе купается въ звучныхъ волнахъ вдохновеннаго стиха; радость безмолвствуетъ или поетъ, но говорить она не умѣетъ.

Каждый народъ имѣетъ свою поэзію. И въ бѣдномъ таборѣ кочующихъ цыганъ и въ пышныхъ столицахъ Европы раздаются завѣтные звуки любимыхъ пѣсенъ; тамъ, безъ хитрыхъ затѣй, въ сердечной простотѣ, ихъ складываетъ смуглый питомецъ степей, безродное дитя пустыни; здѣсь высказывается въ этихъ пѣсняхъ или мятежная страсть или горькое разочарованіе поэта, который на крайней вершинѣ образованности съ ужасомъ видитъ, какъ далеко еще ему до цѣли.

Народъ въ младенчествѣ лепечетъ нестройные звуки. Пѣсни его, какъ самыя понятія, неразвиты, незрѣлы. Это младенецъ, который только еще учится говорить, котораго простая радость, безотчетныя слезы, безъ яснаго сознанія, сами собою выражаются несвязными, неполными, звуками. Въ это время поэзія не имѣетъ цѣли,

не подчиняется искуству. И всякая первобытная поэзія вездѣ одинакова, потому что всѣ народы, на первыхъ ступеняхъ жизни, какъ дѣти, похожи другъ на друга, живутъ тѣми же чувствами, руководствуются тѣми же понятіями. Вся первобытная поэзія — простая, младенческая, пѣсня и эта пѣсня дика, какъ самый народъ, который ее слагаетъ.

Но народъ растетъ; онъ сближается съ другими народами, старшими и болѣе развитыми, знакомится съ ихъ обычаями, подслушиваетъ пѣсни ихъ. И эти новыя пѣсни, эти стройные звуки поражаютъ его; онъ заучиваетъ ихъ на память и подражаетъ имъ. Это второй періодъ поэзіи, столько же неизбѣжный, сколько и первый, — періодъ подражанія.

Время идетъ; народъ выросъ, созрѣлъ, окрѣпъ; онъ сознаетъ свои силы, понимаетъ свой характеръ и гордится имъ. Благородное чувство народности проснулось. Все чужое, заимствованное, тѣснитъ и давитъ это чувство. Оно ищетъ простора, оно хочетъ говорить своимъ языкомъ. И здѣсь начинается періодъ народной поэзіи, которая съ полнымъ, яснымъ, сознаніемъ выражаетъ характеръ своей національности самобытными пѣснями.

Наконецъ въ этомъ возмужаломъ народѣ являются тѣ немногіе геніи, которые въ чудныхъ созданіяхъ передаютъ міру свои безсмертныя мысли и выражаютъ въ нихъ судьбы цѣлаго человѣчества. Эти космополиты поэзіи столько же принадлежатъ цѣлому міру, сколько принадлежатъ они тому тѣсному уголку земли, гдѣ родились. Ихъ настоящая родина — земля, ихъ народъ — человѣчество.

Въ наше время русская поэзія дошла до третьяго періода своего развитія, до періода народности. Первую русскую пѣсню задумалъ Державинъ, первую русскую пѣсню пропѣлъ Пушкинъ.

Геній Державина былъ проникнутъ русскимъ духомъ,

русское чувство волновало грудь его и говорило его устами. Державинъ былъ первый національный поэтъ Россіи. Одаренный необъятнымъ воображеніемъ онъ облекалъ мысли свои въ дивные образы; но онъ говорилъ желѣзнымъ языкомъ и писалъ грубыми, жесткими, стихами, которые лишены сладкой мелодіи, столь свойственной русскому языку. Пѣть стиховъ его нельзя; но въ этихъ суровыхъ, жесткихъ, звукахъ дышетъ гордая сила его самобытнаго русскаго генія.

Пушкинъ, котораго въ глубокой старости привѣтствовалъ Державинъ

.....и въ гробъ сходя благословилъ,

Пушкинъ получилъ отъ умирающаго поэта богатое наслѣдіе, русскую душу и русское сердце Державина. Въ каждомъ стихотвореніи Пушкина, даже тамъ гдѣ онъ подражалъ еще какому-нибудь постороннему образцу, вы слышите то русскую удаль, то заунывную русскую пѣсню; и все это облечено въ живые волшебные звуки, какими до него еще никто не пѣлъ на Руси. Пушкинъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ міровыхъ геніевъ, которые обнимали въ своихъ твореніяхъ цѣлыя эпохи человѣчества и обозначили собою новый, ими созданный, періодъ литературы; Пушкинъ – не Шекспиръ, не Гёте; но зато онъ полный представитель русскаго духа нашего времени и никто не оспоритъ у него почетнаго званія одного изъ первыхъ лирическихъ поэтовъ нынѣшней Европы.

Пушкинъ по преимуществу – поэтъ лирическій. Что̀ бы ни задумалъ онъ, куда бы ни увлекало его вдохновеніе, вездѣ преобладаетъ въ его созданіяхъ это лирическое направленіе. Иначе и быть не могло. Тамъ, гдѣ поэзія какого-нибудь народа впервые выражаетъ собою съ яснымъ сознаніемъ свою національность, тамъ говоритъ она вдохновеннымъ языкомъ Пушкина или торжественными одами Державина. Въ это время для поэзіи нѣтъ другаго языка.

Еще только на двухъ поэтахъ вполнѣ отразилась русская національность. Это были — Державинъ и Пушкинъ. Геній поэзіи благословилъ обоихъ на вдохновенное служеніе музамъ и на обоихъ горѣла священная печать его. Національность поэта опредѣляется не простонароднымъ языкомъ, которымъ иногда подкрашивается мнимая національность, ни даже выборомъ преданій, составляющихъ неотъемлемое достояніе черни. Пушкинъ менѣе національнъ въ своихъ народныхъ сказкахъ, нежели въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Только тотъ можетъ быть національнымъ поэтомъ, кто проникнутъ духомъ своего народа, кто чувствуетъ его сердцемъ. Вотъ почему, читая вдохновенныя стихотворенія Пушкина, громче говоритъ русское чувство, сильнѣе бьется русское сердце; вотъ почему вы встрѣчаете въ самыхъ дальнихъ закоулкахъ необъятной Россіи цѣлыя произведенія поэта, переписанныя неопытною рукою, въ старыхъ замаранныхъ тетрадкахъ, и не увидите ни одного человѣка русскаго, который бы не разсказалъ вамъ наизусть или нѣсколько куплетовъ изъ Онѣгина, или «Черную шаль», или «Талисманъ». У всякаго даже есть какое-нибудь любимое стихотвореніе Пушкина, которое сдѣлалось его достояніемъ и, кажется, принадлежитъ ему одному, написано для него одного. Стихи Пушкина вошли въ пословицу, его словами рѣшаются иногда цѣлые споры. И въ этомъ общемъ, повсемѣстномъ распространеніи его произведеній, въ этой общей, нераздѣльной, любви цѣлаго народа заключается лучшее доказательство національности Пушкина.

Но національность высказывается въ поэзіи только самобытными пѣснями; она не терпитъ подражанія, не заимствуетъ чужихъ красокъ, не поетъ на чужой ладъ; ея необходимое условіе — самостоятельность. Она думаетъ своимъ умомъ, чувствуетъ своимъ сердцемъ, и говоритъ своимъ языкомъ. Только самобытные поэты могутъ быть представителями національной поэзіи; толь-

ко Державинъ и Пушкинъ были ими на Руси. Духъ вѣка, въ мрачномъ образѣ Байрона, увлекалъ Пушкина въ первые годы его творческой дѣятельности, и Пушкинъ заплатилъ этому духу высокую дань въ первыхъ созданіяхъ своей молодости. Поэтическая душа его жадно прислушивалась къ суровымъ звукамъ британской музы и отозвалась на нихъ вдохновенными пѣснями. Но Пушкинъ не менѣе того поэтъ самостоятельный. Во всей полнотѣ онъ высказался въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ и въ нихъ заключаются, по нашему мнѣнію главныя права его на званіе національнаго поэта. Но всѣ эти лирическія стихотворенія принадлежатъ его самобытному генію; въ нихъ онъ не подражалъ никому и даже тамъ, гдѣ, по-видимому, заимствовалъ содержаніе, вдохновеніе его никогда не подчинялось чужому вліянію; оно всегда говорило своимъ языкомъ, изъ глубины души извлекало тѣ завѣтные звуки, отъ которыхъ такъ весело и такъ легко становится русскому сердцу. Между большими созданіями Пушкина, «Кавказскій плѣнникъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ» болѣе другихъ носятъ на себѣ отпечатокъ того невольнаго вліянія, которое имѣлъ надъ нимъ суровый пѣвецъ Альбіона. Но и тогда уже Пушкинъ освобождался по-временамъ отъ этихъ тяжелыхъ оковъ, и гордо и свободно запѣвалъ русскимъ голосомъ, какъ въ «Братьяхъ разбойникахъ», чувствовалъ русскимъ сердцемъ, какъ въ «Цыганахъ». Но съ «Бориса Годунова» и «Полтавы» начинается истинный блистательный періодъ его самобытной творческой дѣятельности. Съ этихъ поръ его уже никогда не увлекало постороннее вліяніе, какъ бы заманчиво оно ни было. Съ этихъ поръ онъ слушался только собственнаго вдохновенія и писалъ только подъ вліяніемъ самобытнаго генія, который подсказалъ ему столько чудныхъ пѣсенъ.

Poëtae nascuntur, говоритъ Горацій, — и Пушкинъ родился поэтомъ. Вся его жизнь, со всѣми ея

ошибками, его раздражительность, его пылкія страсти и рыцарская честь, все носитъ на себѣ яркій отпечатокъ поэтическаго характера. Куда не увлекали его пылкія страсти и несбыточныя мечты? Съ безпечнымъ легкомысліемъ поэта онъ вдругъ кидается въ объятія наслажденій, торопится жить и губитъ время въ омутѣ свѣта, который съ тупымъ удивленіемъ глядитъ на страннаго гостя и забавляется непривычнымъ явленіемъ восторженнаго мечтателя; но вотъ просыпается неподкупный голосъ души и строгое вдохновеніе, какъ совѣсть, навѣщаетъ поэта; онъ оглядывается и отъ самого разгара этой бурной жизни бѣжитъ въ какой-нибудь пустынный уголокъ, раскрываетъ правдивую скрижаль прожитаго времени, плачетъ надъ утраченными часами и съ горькимъ упрекомъ говоритъ самому себѣ:

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу, я проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Въ самые юные годы жизни, на школьныхъ скамейкахъ Царскосельскаго Лицея, поэзія благословила уже своего избранника, и Пушкинъ тогда уже написалъ свое посланіе къ Лицинію и Гробъ Анакреона; тогда уже задумалъ планъ Руслана и Людмилы. Въ этихъ первыхъ, незрѣлыхъ, опытахъ шестьнадцати-лѣтняго поэта уже видѣнъ размахъ его воображенія, и слышатся очаровательные звуки его волшебнаго стиха.

Съ порога Царскосельскаго Лицея Пушкинъ перешагнулъ въ гостиныя большаго свѣта, который принялъ его съ восхищеніемъ. Здѣсь все подстрекало его самолюбіе, и Пушкинъ уступилъ минутному вліянію суетнаго тщеславія. Изъ пышнаго салона вельможи, гдѣ его привѣтствовала тонкая свѣтская лесть, онъ переходилъ къ шумной, разгульной, жизни молодыхъ лю-

дей и тамъ, въ непринужденной, искренней бесѣдѣ, упивался восторженными рукоплесканіями пламенныхъ друзей, которые любили въ немъ его благородную откровенность, его прямую честь. Но и тогда, среди заманчивыхъ обольщеній свѣта, Пушкинъ вырывался на зовъ своего поэтическаго генія и въ тихомъ уединеніи привѣтствовалъ свое возрожденіе:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины.
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мѣльницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но скоро своенравная судьба перебросила Пушкина

изъ шумной столицы въ Бессарабію, на другой конецъ Россіи. И поэтъ не жалѣлъ объ этой разлукѣ съ пышнымъ, шумнымъ, городомъ, въ которомъ удерживало его на время ослѣпленное самолюбіе. Онъ не нашелъ удовлетворенія среди этой блистательной толпы, которая давила его вялою прозою жизни, и прощаясь съ ней съ радостію говорилъ:

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.

Съ этихъ поръ начинается новый періодъ его поэтической жизни, ознаменованный чудными пѣснями. Пушкинъ отдохнулъ и ожилъ на югѣ Россіи. Кочуя по степямъ Бессарабіи, онъ присматривался къ пестрому быту безпріютнаго племени, которое изъ вѣка въ вѣкъ бродитъ по землѣ и ищетъ потеряннаго отечества. Тамъ, въ бѣдномъ таборѣ цыганъ, муза приносила ему живые дары свои. На краснорѣчивыхъ развалинахъ Тавриды, на грозныхъ вершинахъ дикаго Кавказа, подъ открытымъ шатромъ синяго неба, вдохновеніе сильнѣе волновало душу поэта, свободнѣе высказывалось въ смѣлыхъ созданіяхъ разгоряченнаго воображенія. Здѣсь, среди этого поэтическаго уединенія, душа Пушкина отозвалась на всѣ вопросы современнаго міра, откликнулась на все высокое и благородное. Здѣсь, надъ могилой Овидія, онъ бесѣдовалъ съ забытымъ прахомъ изгнанника-поэта и говорилъ ему:

Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная

Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосконны.

Отсюда воображеніе его перелетало къ пустынной гробницѣ Наполеона, надъ которой,

Народовъ ненависть почила
И лучь безсмертія горитъ.

Но и здѣсь, среди мирнаго уединененія, поэтъ, окруженный прелестями новыхъ впечатлѣній, съ ужасомъ встрѣчаетъ неподвижный взглядъ мрачнаго демона, который отравляетъ лучшія мечты его ядомъ сомнѣнія, который съ горькою насмѣшкою попираетъ все, что свято для человѣка, что привязываетъ его къ жизни. Какъ страшна исповѣдь поэта, въ которой онъ описываетъ роковую встрѣчу съ этимъ демономъ:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья —
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искуства
Такъ сильно волновали кровь,
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимый клеветою,
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Воспоминаніе этой встрѣчи всегда наводило на Пушкина мрачную тѣнь сомнѣнія, всегда смущало его, всегда повторяло страшный однообразный вопросъ: что̀ сдѣлалъ ты, поэтъ? какую жатву принесъ талантъ данный тебѣ судьбою? Дай отчетъ въ утраченныхъ силахъ твоего генія, въ праздныхъ часахъ прожитаго времени! И демонъ-обвинитель смущалъ поэта, и бѣдный труженикъ уступалъ роковому сомнѣнію и спрашивалъ съ отчаяніемъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь обречена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?....
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Но и въ эти минуты страшнаго сомнѣнія, другой свѣтлый голосъ, какъ голосъ неба на землѣ, успокоивалъ поэта почти его же словами, указывалъ ему на высокую цѣль земнаго назначенія и благословлялъ его благословеніемъ вѣры :

Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
На тоску обречена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ возвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забытый мною,
Просіяй сквозь мрачныхъ думъ —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!

И съ какою жадностью прислушивался Пушкинъ къ успокоительному голосу дивнаго утѣшителя! съ какимъ

высокимъ простодушіемъ, съ какимъ свѣтлымъ смиреніемъ благодарилъ его за эти сладкіе звуки, за отрадныя вѣсти служителя вѣры:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Въ исходѣ 1824 года Пушкинъ оставилъ свое поэтическое уединеніе на югѣ Россіи, которое принесло столько богатыхъ плодовъ. Тамъ написалъ онъ Кавказскаго плѣнника и Бахчисарайскій фонтанъ, тамъ, кочуя по степямъ Бессарабіи, онъ создалъ Цыганъ. Въ эти годы Пушкинъ подружился съ страною, въ которой для него сосредоточивалось столько поэтическихъ воспоминаній. Онъ полюбилъ и классическую Тавриду и грозный Кавказъ и это безграничное море, къ которому относится его унылый прощальный привѣтъ:

Прощай свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Но два огромныхъ воспоминанія отражаются для по-

эта въ обширномъ зеркалѣ яснаго моря; въ одномъ воскресаетъ образъ развѣнчаннаго исполина, котораго такъ гордо, такъ благородно, воспѣла вдохновенная лира Пушкина въ то время когда еще проклятіе народовъ тяготѣло надъ именемъ Наполеона, когда еще не зажили раны нанесенныя его мечомъ, и ослѣпленное самолюбіе препятствовало безпристрастному приговору надъ свѣжей могилой великаго изгнанника. Въ другомъ воспоминаніи рисуютъ мрачныя черты того властителя думъ, которому Пушкинъ жертвовалъ столько лѣтъ могущественнымъ развитіемъ самобытнаго генія:

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ,
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шумп, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мрачень,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ.....
.....

Увѣнчанный славой, Пушкинъ возвратился на родину. Его встрѣтили громкія рукоплесканія современниковъ. Но шумный блескъ столицы не увлекъ его какъ прежде, не обольстилъ приманками своей раз-

сѣянной жизни. Пушкинъ проводилъ бо́льшую часть времени въ уединенной деревнѣ. Усердный, благородный, трудъ сдѣлался необходимымъ условіемъ его жизни. Благородное сознаніе собственныхъ силъ замѣнило суетное тщеславіе молодости.

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
.....
Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
.....

Поэтъ тоскуетъ въ забавахъ міра, чуждается людской молвы и, богатый своимъ вдохновеніемъ,

Бѣжитъ онъ, дикій и суровый
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

Въ это время Пушкинъ воспѣлъ въ чудной поэмѣ съ полнымъ негодованіемъ благородной души несчастную жертву революціи, *Андрея Шенье.* Въ этомъ высокомъ созданіи высказывается въ полномъ величіи потрясающее вдохновеніе и благородный гнѣвъ Поэта. Праведная кара гремитъ въ желѣзныхъ стихахъ, грустное уныніе слышится въ мягкихъ и нѣжныхъ звукахъ.

Отрывокъ изъ Фауста показываетъ какъ понималъ Пушкинъ безсмертное созданіе германскаго поэта и какъ глубоко онъ былъ проникнутъ его значеніемъ.

Женихъ и *Утопленникъ* — однѣ изъ первыхъ удачныхъ попытокъ, въ которыхъ Пушкинъ обработывалъ русскія народныя преданія. *Утопленникъ* имѣетъ высокое поэтическое значеніе. Какое-то простое величіе заключается въ изображеніи мертвеца, который,

качаясь какъ живой, плыветъ по водѣ. Грубая нога безчувственнаго мужика оттолкнула его отъ берега, и трупъ, лишенный честнаго гроба, снова плыветъ по рѣкѣ. Онъ плыветъ — за могилой и крестомъ!

Въ 1829 году Пушкинъ написалъ Полтаву и въ этомъ чудномъ созданіи высказался наконецъ съ полнымъ блескомъ его самобытный талантъ. Уже нѣсколько лѣтъ прежде былъ написанъ и Борисъ Годуновъ, но поэтъ медлилъ еще его изданіемъ. Въ этомъ же году Пушкинъ еще разъ посѣтилъ южную Россію, еще разъ на снѣжныхъ вершинахъ дикаго Кавказа воспѣлъ его грозное величіе. *Обвалъ, Монастырь на Казбекѣ, Делибашъ*, принадлежатъ тому же вдохновенію, возбужденному впечатлѣніями мѣстности.

Наконецъ Пушкинъ возвратился въ Москву, откуда онъ отправился въ свою нижегородскую деревню Болдино. Пребываніе въ этой деревнѣ обогатило литературу многими превосходными произведеніями. Здѣсь написалъ Пушкинъ *Повѣсти Бѣлкина*, *Моцарта и Саліери, Скупаго рыцаря, Пиръ во время чумы, Донъ Жуана.* «Моцартъ и Саліери» — глубокое созданіе зрѣлаго генія. Въ немъ яркими красками выставлена прозаическая посредственность, которая завидуетъ творческой силѣ свободнаго генія и съ отчаяніемъ подноситъ ему ядовитую чашу, оправдывая себя страшной логикой ослѣпленнаго обиженнаго самолюбія :

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искуство ? Нѣтъ ;
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ :
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть !
Такъ улетай же ! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Бывали минуты и въ жизни Пушкина, когда зависть жалкой бездарности смущала его своимъ оскор-

бительнымъ крикомъ. Тогда гордое сознаніе собственной силы успокоивало взволнованнаго поэта и онъ, пренебрегая крикомъ толпы, съ благороднымъ величіемъ говорилъ самому себѣ :

Поэтъ! не дорожи любовію народной.
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Въ 1831 году Пушкинъ женился. Всѣ его желанія исполнились, онъ былъ счастливъ, веселъ, сложивъ лавровый вѣнокъ къ ногамъ любимой женщины. Съ какимъ трогательнымъ умиленіемъ благодарилъ онъ тогда неизвѣстнаго поэта, который поздравилъ его простымъ, но искреннимъ привѣтомъ въ эти счастливые дни :

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ;
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству доселѣ я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,

Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше,» говорятъ любители искуствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
»И намъ ихъ передастъ.» Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолствуетъ оно...
.....

Лѣтомъ Пушкинъ переѣхалъ въ Царское Село. Въ это время его занимали простонародныя русскія сказки; онъ написалъ ихъ нѣсколько; между ними отличается *Царь Салтанъ* своимъ простодушнымъ разсказомъ; но эти попытки, кажется, не совсѣмъ соотвѣтствовали истинному назначенію Пушкина. Есть различіе между національнымъ поэтомъ и поэтомъ простонароднымъ. Это различіе самъ Пушкинъ обозначилъ въ тоже время своимъ благороднымъ, истинно національнымъ стихотвореніемъ: *Клеветникамъ Россіи*:

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи!
Что возмутило васъ? волненіе Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;

Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...
Зачто жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Чго на развалинахъ пылающей Москвы,
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій онъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Здѣсь каждое слово носитъ на себѣ отпечатокъ національности. Все стихотвореніе вырвано изъ русской души и проникнуто духомъ народнаго характера.

Въ послѣдніе годы своей поэтической жизни Пушкинъ издалъ IV томъ мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ заключаются его *баллады, сказки* и *пѣсни западныхъ Славянъ*. Въ тоже время онъ собиралъ матеріалы для исторіи Петра Великаго и написалъ исторію Пугачевскаго бунта. Въ эти годы творческая дѣятельность поэта дошла до крайней степени своего развитія

и онъ готовилъ литературѣ лучшія созданія зрѣлаго генія. Россія съ гордыми ожиданіями смотрѣла на своего любимаго поэта и съ нетерпѣніемъ ждала новыхъ пѣсенъ его.

Но воля судьбы неисповѣдима и расчеты человѣческіе безмолвствуютъ передъ неизмѣнными законами провидѣнія. Во цвѣтѣ лѣтъ, на крайней вершинѣ своего блистательнаго поприща, среди полнаго развитія своихъ высокихъ силъ, поэтъ встрѣтилъ неотвратимый приговоръ судьбы. Урочный часъ наступилъ; смерть приняла поэта вь свои холодныя объятія.

Но Пушкинъ встрѣтилъ свою блѣдную невѣсту не безъ приготовленія. Онъ давно уже подружился съ мыслію о смерти, давно уже говорилъ:

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Съ невольнымъ уныніемъ читаешь эти строки; въ нихъ высказывается тайное предчувствіе поэта, уже готоваго уступить свое мѣсто новому поколѣнію.

Пушкинъ мало дорожилъ жизнію:

Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я.

Но онъ хотѣлъ оставить по себѣ добрый слѣдъ и добрую память..

Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу — не для похвалъ,
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій мой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ
Напомнилъ хоть единый звукъ.

Но въ тоже время его смущало равнодушіе суетной черни. Онъ зналъ какъ скоро легкомысленная толпа забываетъ увѣнчанное имя; какъ легко поклоняется новому кумиру —

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

Это горькое уныніе, это желаніе жизни и равнодушіе къ смерти высказалось страшными словами въ одномъ изъ предсмертныхъ стихотвореній Пушкина.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть — на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Вотъ послѣдняя исповѣдь поэта, его трогательное признаніе на самомъ порогѣ жизни. Трудъ и горе ждетъ его впереди; безумное веселіе молодости прошло; но поэтъ еще хочетъ жить, хочетъ мыслить и страдать. Тихая надежда смягчаетъ его уныніе; быть можетъ онъ еще разъ обольется слезами надъ сладостнымъ вымысломъ и любовь прощальною улыбкою озаритъ его печальный закатъ.

Но не сбылись надежды поэта. Не трудъ и горе сулило ему грядущее; тѣсная могила ждала новаго гостя и успокоила бѣднаго труженика въ своей тихой обители. Не стало Пушкина на Руси; мѣсто его упразднилось; но имя его памятно русскимъ людямъ и онъ въ своихъ созданіяхъ по прежнему живетъ между нами.

═